

ПЕРЕВАЛ КОРОВИНОЙ

ЕВГЕНИЙ ОЛЬХОВСКИЙ

Евгений Ольховский
Перевал Коровиной

«Автор»

2026

Ольховский Е.

Перевал Коровиной / Е. Ольховский — «Автор», 2026

Август 1993 года. Хамар-Дабан. Группа из семи туристов выходит на маршрут, который должен был стать очередным сложным походом. Они знают, что маршрут будет трудным. Знают правила и готовы к испытаниям. Они ещё не знают, что назад вернётся только одна. Позже появится официальное объяснение трагедии. Но останутся свидетельства, которым трудно найти место в этой версии. Противоречия в показаниях. Странности в обстоятельствах гибели. Одни и те же вопросы десятилетиями переходят из публикации в публикацию, и ответы на них вроде бы давно найдены. Правда, в основном людьми, далёкими от спортивного туризма и реалий клуба «Азимут». Эта книга — не документальное расследование и не попытка вынести окончательный приговор прошлому. Это художественная реконструкция реальной трагедии, история людей, которые отправились в поход и не вернулись. История туристического клуба, подготовки к маршруту, дружбы, характеров и жизни, которая существовала до того дня, когда всё изменилось.

© Ольховский Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Примечание автора	7
Источники вопросов и реконструкции	8
Глава 1. Подготовка заявки и маршрута	9

Евгений Ольховский

Перевал Коровиной

Пролог

Август 1993 года

На голом хребте Хамар-Дабана происходит трагедия, которая спустя годы станет одной из самых загадочных историй раннего постсоветского туризма. За короткое время погибают шестеро участников группы из Петропавловска, которую вела опытный инструктор Людмила Коровина. В живых остаётся только семнадцатилетняя Валентина Уточенко.

Причиной смерти называют общее переохлаждение. Позднее к нему добавятся истощение, недостаточное питание, ошибки руководителя и исключительно тяжёлые погодные условия.

Однако известные обстоятельства трагедии оставляют слишком много вопросов.

Почему физически подготовленные люди начали погибать один за другим почти сразу после выхода с ночёвки? Что вызвало описанное Валентиной поведение ребят: внезапные падения, потерю ориентации, судороги, кровь и пену? Почему шестеро человек оказались неспособны выполнить даже самые простые действия, необходимые для спасения?

Почему в одних свидетельствах погибшие лежат в верхней одежде, а в других говорится, что некоторые из них были разуты и легко одеты? Если обувь действительно отсутствовала, кто и при каких обстоятельствах её снял? Плотнo зашнурованные и промокшие туристские ботинки невозможно случайно потерять при перемещении по склону или просто сбросить с ноги при «парадоксальном раздевании»: их необходимо расшнуровать и стянуть, что требует времени, координации движений и работоспособности рук. Кто мог это сделать, зачем — и где после этого оказалась обувь?

На основании чего возникло утверждение о скудном рационе? Рацион категорийного похода рассчитывался заранее, включался в маршрутные документы и проверялся маршрутно-квалификационной комиссией. Сама Валентина позднее рассказывала о крупах, сухарях, тушёнке, сухом молоке, овощах, конфетах и шоколаде. Почему же вывод об истощении группы начали подтверждать одной пустой банкой из-под тушёнки, найденной на месте последней стоянки?

Откуда в вещах Людмилы Коровиной появился высушенный золотой корень? В своих интервью заслуженный спасатель Юрий Голиус упоминал о двух больших мешках порезанного и высушенного сырья, якобы заготовленного группой во время похода. Но между выходом из Мурино и трагедией прошло около трёх суток, большую часть этого времени туристы двигались по маршруту, преодолев не менее пятидесяти километров, и поход сопровождался дождями. Когда они могли выкопать, очистить, нарезать и высушить такое количество корня? Существуют ли опись, фотографии или другие документы, подтверждающие наличие двух мешков и их содержимое? И на основании чего было решено, что корень заготовила сама группа во время похода, а не приобрела или получила его ещё в Мурино? Или вся эта история возникла позднее из «воспоминаний» спасателя и журналистских пересказов?

Что находилось в маршрутной книжке группы? Куда была направлена заявка с картой и описанием движения до выхода на маршрут? Почему спасатели не могли найти обозначенную в документах высоту Третранс и только позднее связали её с Ретранслятором?

Где находятся полные материалы судебно-медицинского исследования? Какие изменения были установлены непосредственно при вскрытии, какие выводы сделаны экспертами,

а какие появились уже в позднейших публикациях? Почему родственники погибших утверждали, что не видели полного экспертного заключения?

Почему тела, пролежавшие на открытом хребте двадцать один день, в разных свидетельствах описываются настолько по-разному?

И почему их обнаружили только 26 августа — после нескольких дней поисков с воздуха и на земле? Можно ли объяснить это исключительно туманом, низкой облачностью и перегибами плато, если место гибели находилось неподалёку от заброшенного ретрансляционного узла и его наземных построек?

Почему уже в первых рассказах о трагедии Людмилу Коровину начали изображать руководителем, который морил подростков голодом, недостаточно тепло их одел и завёл на голый хребет? Откуда возникла почти романтическая история о двух группах, якобы стремившихся навстречу друг другу, если перед каждой из них был серьёзный категорийный маршрут, рассчитанный и заявленный заранее?

И почему спустя тридцать три года из публикации в публикацию переходят готовые версии, а противоречия между показаниями выжившей, рассказами спасателей, воспоминаниями родственников и официальными выводами остаются не только без ответов, но даже без заданных в этом направлении вопросов?

Я не стану отвечать на эти вопросы в первой книге. Более того, после пролога я не буду задавать их читателю снова.

Я расскажу о том, что помню сам: о повседневной жизни клуба «Азимут», подготовке к походам, принятых тогда правилах, требованиях к участникам и характерах людей, которых знал лично и с которыми проходил сложные маршруты. О том, что происходило в Петропавловске после известия о трагедии. О поисковой операции, возвращении Валентины и доставке тел погибших.

События, происходившие непосредственно на Хамар-Дабане, восстановлены художественно. В основу этой реконструкции положены известные объяснения Валентины Уточенко, воспоминания родственников, интервью спасателей, газетные публикации и позднейшие исследования. Там, где свидетельства противоречат друг другу или отсутствуют вовсе, начинается пространство художественного произведения.

Примечание автора

Эта книга является художественным произведением, вдохновлённым реальной трагедией группы Людмилы Коровиной, произошедшей на Хамар-Дабане в августе 1993 года.

Имена и фамилии погибших сохранены в знак уважения к их памяти. Автор стремился бережно отнестись к известным обстоятельствам их жизни, характерам, отношениям внутри группы и туристскому опыту, не приписывая участникам событий поступков или мотивов, способных без достаточных оснований изменить отношение к ним.

При этом значительная часть событий, предшествовавших походу, отделена от настоящего времени более чем тридцатью годами. Не все бытовые подробности, отдельные разговоры, распределение обязанностей, состав участников конкретных эпизодов и последовательность некоторых событий сохранились в памяти автора с полной точностью.

Часть таких сцен восстановлена по личным воспоминаниям автора, общему порядку подготовки туристских групп, практике клуба «Азимут» и памяти о других походах того времени. Отдельные эпизоды могли быть объединены, перенесены из схожих ситуаций или дополнены художественно там, где достоверное восстановление частных деталей спустя десятилетия уже невозможно.

Подобные сцены не претендуют на дословное воспроизведение реальных разговоров или точную фиксацию каждого бытового события. Их задача — передать атмосферу клуба, характер отношений между участниками, обычный порядок подготовки к походам и ту повседневную жизнь, которая существовала до трагедии.

Там, где речь идёт непосредственно о гибели группы, известных обстоятельствах происшествия и действиях реальных участников событий, автор стремился отделять подтверждённые сведения от художественного вымысла и не превращать предположения в установленный факт.

Персонажи отдельных должностных лиц, содержание ведомственных документов, обстоятельства закрытия военного объекта, возможная связь Ретранслятора с трагедией и мотивы сокрытия информации являются частью художественного замысла.

Намёк на техногенную версию, появляющийся в этой книге, относится к сюжетной линии последующего романа и не является документально установленным объяснением трагедии группы Людмилы Коровиной.

Произведение не содержит прямого обвинения конкретных исторических лиц, государственных органов, военных подразделений или иных организаций. Совпадение вымышленных персонажей с реальными лицами, если оно не обусловлено непосредственным участием известных исторических лиц в описываемых событиях, случайно.

Источники вопросов и реконструкции

Объяснение Валентины Уточенко, последовательность гибели группы, дата обнаружения тел, воспоминания родственников и сведения о поездке на место трагедии собраны в большом материале [Tengrinews о трагедии на Хамар-Дабане](#).

Рассказ спасателя Юрия Голиуса о поисках, рационе и золотом корне опубликован в интервью [«Комсомольской правде»](#). Эти утверждения являются его воспоминаниями и не должны преподноситься как подтверждённые материалами экспертизы.

Позднее интервью Валентины, сведения о столбах, постройках, маршрутной книжке, поисковой операции и противоречивые показания об одежде погибших пересказаны в материале [360.ru](#).

Сообщение о найденном в вещах Людмилы Коровиной золотом корне и о том, что дочь Коровиной не видела заключения о смерти матери, содержится в обзоре [телеканала «Ариг Ус»](#).

Глава 1. Подготовка заявки и маршрута

В Петропавловске лето начиналось не только с жары, пыли и липких тополиных почек. Для туристического клуба «Азимут» новый сезон начинался с карт, списков, старых отчётов и бесконечных споров о весе рюкзаков.

Когда в педагогическом училище после экзаменов становилось тише, в помещении клуба, наоборот, наступала самая рабочая пора. Студенты разъезжались, преподаватели закрывали ведомости, технички мыли коридоры, а на столе у Людмилы Ивановны Коровиной снова появлялись маршруты.

Карты здесь не служили украшением. Их разворачивали, сравнивали, подклеивали по сгибам, отмечали карандашом перевалы, реки, запасные выходы, возможные днёвки, сложные участки и места, где решение придётся принимать уже на маршруте. Рядом лежали расчёты питания, перечень группового снаряжения, черновик маршрутной книжки, выписки из прошлых походов и тетрадь, куда заносили всё, что нужно было успеть проверить до защиты.

Людмила Ивановна сидела за столом и прикидывала сроки по дням. Про красоту гор во время технической подготовки разговоры не умолкали, но она прекрасно понимала, что вся романтика быстро улетучится, стоит только лямкам рюкзака намертво впиться в плечи, когда дождь стеной льёт вторые сутки, а до нормальной стоянки пилить и пилить ещё несколько часов, — вот тут вся эйфория разом и заканчивается.

Поэтому сначала — километры, перепады высот, продукты, вес, состав группы, аварийные варианты, контрольные сроки и связь с КСС, и только после того, как всё это было посчитано и проверено, можно было со спокойной душой выпускать группу на маршрут любоваться красотами, если погода и силы позволяют.

— Вот здесь, — Людмила Ивановна провела карандашом по линии хребта, — решение принимаем по погоде. Если верх закрывает, уходим ниже. Если внизу бурелом, высокая вода или участок становится опасным, остаёмся наверху и пережидаем. Не цепляемся за нарисованную линию только потому, что она есть на карте.

Александр Крысин наклонился над столом.

— Если верх затянет уже после выхода на хребет, где лучше уходить вниз?

Коровина передвинула карту ближе к нему.

— Смотря где застанет. Здесь есть нормальный спуск. Здесь склон хуже, особенно после дождя. А вот сюда без необходимости не лезем вообще. По отчётам там старый бурелом, и неизвестно, что осталось после зимы.

— То есть этот участок сразу ставим как аварийный вариант?

— Как один из вариантов, — поправила она. — Аварийным он станет, если основной путь окажется закрыт. Не надо заранее называть запасной выход аварией.

Саша кивнул и сделал пометку в списке.

К спокойному тону руководителя все привыкли, после её объяснений спорить становилось бессмысленно. В «Азимуте» всем было известно, что маршрут — это не линия на карте, а ответственность за людей, которые по этой линии пойдут.

Для газетной строки или человека, далёкого от спортивного туризма, всё выглядело просто: студенты собрались в поход. Но в клубе готовились не на прогулку. Предстоял категорийный маршрут с защитой, проверкой снаряжения, медицинскими допусками, рассчитанным рационом, контрольными сроками и запасными вариантами. Бумажная часть многим казалась скучной, но здесь она была не формальностью, а частью безопасности.

Городская маршрутно-квалификационная комиссия относилась к группам Людмилы Ивановны внимательно. Там часто видели, как воспитанники «Азимута» проходят маршруты, на которых взрослые компании, собравшиеся больше отдохнуть, чем мотать километры по без-

дорожью, поворачивали обратно или, ссылаясь на погоду, выходили по короткому запасному варианту, а «дети» из педучилища в то же самое время уверенно проходили более сложную категорию.

Для Людмилы Ивановны поход был просто спортом, таким же обычным делом, как бег на стометровку, футбол или штанга, не подвигом, не способом кому-то что-то доказать и уж тем более не романтическим побегом от города, а работой, тяжёлой, но привычной.

Разница с другими видами спорта была только в одном: если кто-то заболел или получит травму, рядом не будет ни спортивного врача, ни скорой, ни нормальной аптеки, а до ближайшей цивилизации сотня километров, иногда и не одна.

Питание и снаряжение проверялись отдельно, медицинские справки, график движения, контрольные сроки, запасные варианты и связь с КСС проходили такой же внимательный контроль, как палатки и обувь.

Если группа выходила на категорию сложности, за ней стояли не только желания руководителя и участников, но и документы, по которым в случае беды людей должны были искать.

— Тушёнку кто забирает? — спросила Людмила Ивановна, не отрываясь от листа.

— Я могу заняться, — ответил Саша.

Он сидел, немного откинувшись на спинку стула, но слушал внимательно. Александру не нужно было каждую минуту доказывать, что он уже взрослый, в клубе его знали давно и поручали то, что нельзя было сделать кое-как.

— С мясокомбината? — уточнила Татьяна Филипенко.

— Откуда же ещё, — пожала плечами Коровина. — Никаких случайных банок по дороге. Что покупаем здесь, то и несём. Если придётся что-то докупать по пути, только проверенное и только при необходимости.

— Я уточню, что у них сейчас есть по партиям, — Саша внёс очередную пометку в блокнот. — Чтобы потом не брать всё подряд в последний день.

— Уточни. И посмотри, чтобы банки были без вмятин и ржавчины. Количество сверим после окончательной раскладки.

Кто-то из младших вздохнул. Проверенное обычно означало скучное, но на маршруте скучное нередко оказывалось самым надёжным.

Сухой закон в «Азимуте» не обсуждали. Коровина видела достаточно, чтобы не путать горы с пикником. Даже небольшая оплошность на маршруте могла стать серьёзной проблемой, а алкоголь был той глупостью, которую легче всего исключить заранее.

Вика Залесова аккуратно переписывала что-то в тетрадь. Хрупкая, она не производила впечатления человека, которому легко идти с тяжёлым рюкзаком по мокрому хребту, но Коровина знала, что внешность обманчива, а характер иногда важнее силы.

Вика не любила жаловаться. Это качество Людмила Ивановна ценила, но и держала под контролем.

— Вика, — позвала она.

— Если натирает, давит, знобит, кружится голова или просто становится нехорошо, говоришь сразу. Не вечером и не на следующий день.

— Хорошо, Людмила Ивановна.

— Я серьёзно. Не надо терпеть до привала, если проблема уже появилась.

— Я поняла.

— Это касается всех, — Коровина обвела взглядом сидящих за столом. — Но Вики особенно. Она умеет молчать дольше, чем нужно.

Вика недовольно нахмурилась, но спорить не стала.

Тимур Бапанов сидел рядом, стараясь выглядеть солиднее своих пятнадцати лет. Самый младший в группе требовал отдельного внимания: желание не отставать часто заставляло подростков молчать именно тогда, когда нужно было сказать.

— И тебя это тоже касается, Тимур, — добавила Коровина.

— Я скажу, если что-то будет.

— Не «если что-то будет», а при первых признаках. Натёр ногу — сказал. Лямка давит — сказал. Голова закружилась — сказал.

— Хорошо.

Денис Швачкин слушал, не перебивая, иногда задавал вопросы по делу. Его взяли не для количества: лишних людей Людмила Ивановна в группах не держала. Он был из тех, кто на маршруте надёжно делает свою часть работы — хоть дрова рубить, хоть тент в ливень ставить, да ещё и по-доброму шутит, поднимая всем настроение.

Валентина Уточенко сидела ближе к краю стола, аккуратно раскладывая по кучкам суточные рационы: сухари, крупу, сухое молоко. Работа нудная, но от точности этого веса зависело, сколько каждому придётся тащить на горбу.

Чуть в стороне Татьяна проверяла список аптечки. В свои двадцать четыре она работала в училище, давно ходила с Коровиной, не суежилась, не спорила без причины и умела замечать бытовые мелочи до того, как они превращались в проблему, обладая собранностью, которая на маршруте иногда стоила больше, чем физическая сила.

В «Азимуте» лишнего пафоса не водилось: если идёшь в категорийный поход, значит отвечаешь за себя и помогаешь остальным.

— По аптечке потом отдельно пройдем, — сказала Людмила Ивановна. — И по личным лекарствам тоже. Никто ничего не скрывает и не изображает героя. Есть проблема — говорим до выхода, а не когда окажемся на хребте.

Татьяна подняла голову от списка.

— Я ещё раз уточню у всех по аллергиям и постоянным препаратам. И нужно решить, кто будет нести основную аптечку, а кто резерв.

— Основную возьмёшь ты, — дала указание Коровина. — Резерв разделим. Обезболивающее, перевязочное и то, что может понадобиться быстро, не должно лежать всё в одном рюкзаке.

Саша посмотрел в другой лист.

— Людмила Ивановна, как делимся по палаткам? Нас восемь. Предлагаю четыре на четыре.

Коровина оторвалась от карты.

— Разумеется, четыре на четыре. Запишите сразу, чтобы потом не устраивать путаницу. В первой палатке — я, Татьяна, Денис и Тимур. Во второй — Валя, Саша, Евгений и Вика.

Она постучала карандашом по столу.

— Опытных и девчат распределяем равномерно. Окончательно всё проверим перед выходом, но основной состав такой.

— А почему Денис с нами? — поинтересовался Тимур.

— Потому что кто-то должен будет слушать его рассуждения о еде по ночам, — хихикнула Валя. — Женя или Саша могут придушить его случайно за болтовню.

Денис повернулся к ней.

— Я не рассуждаю о еде по ночам. Я заранее оцениваю завтрашний рацион.

— Особенно громко ты его оцениваешь, когда все уже спят.

— Это неправда. Я стараюсь говорить тихо.

— Вот и проверим, — прервала Коровина начинающийся спор. — И ещё раз: палатка — не место, куда человек просто упал после перехода. Это жизнь группы ночью. Расположение, ветер, растяжки, тент, вход, вещи — всё имеет значение. Кто поставил кое-как, тот потом не спит сам и не даёт спать остальным.

— Ложимся тоже по распределению? — уточнил Денис.

— Да. Не устраиваем ночью переселение народов. Каждый заранее знает своё место и где лежат его вещи.

— А если Тимур будет пинаться?

— Тогда ты будешь терпеть последствия собственного жребия, — ответила Татьяна.

— Я не пинаюсь, — возразил Тимур.

— Пока никто не утверждает обратного, — улыбнулся Саша. — Но поход всё покажет.

В клубе такие вещи повторяли часто, в шутку, поэтому никто не воспринимал их как нудное наставление. Правильно поставленная палатка, сухие спички, запасные проверенные шнурки, убранный в непромокаемый пакет свитер, и вовремя сказанное «мне плохо» — из этого и складывалась безопасность, которую люди со стороны часто называли удачей.

Клуб «Азимут» занимал помещение в подвале педагогического училища. Место было удобным и давно уютно обустроенным: летом прохладно, зимой тепло, на полках годами копились папки с отчётами, за шкафами ровными рядами лежала снаряга.

На стенах висели фотографии с маршрутов, в углу теснились коробки со слайдами. Подготовка здесь редко шла по прямой. Можно было считать рацион, потом кто-нибудь вспоминал прошлый поход на Западные Саяны, доставал нужный отчёт, другой просил показать фотографии. Ставился чайник, и на полчаса все погружались в воспоминания, попивая кипяток из своих походных кружек, которые тоже чаще всего хранились здесь же.

Потом Людмила Ивановна возвращала всех к спискам, и работа продолжалась.

Евгений Ольховский сидел у шкафа с картами. В этот поход он пока числился в составе группы и помогал с документами, но уже понимал, что конец лета у него может уйти не на горы.

За плечами у него были Каракумы, Тянь-Шань, Саяны. После такого опыта происходящее за столом не казалось ему перестраховкой. Всё было привычно и необходимо.

— Контрольные сроки, — Коровина снова постукала карандашом по карте. — Здесь должны быть не позже этого числа. Здесь оставляем запасной день. Копию маршрута заранее отправляем в Иркутскую КСС (контрольно спасательная служба). Подтверждение получения обязательно.

Тимур перевёл на неё хмурый взгляд.

— А без подтверждения нас комиссия не выпустит?

— Без подтверждения нормальная группа сама не выходит, — Коровина даже глаз не подняла от бумаг. — Если мы не появимся в контрольный срок, нас должны искать не по рассказам знакомых, а по официальному маршруту.

— А если маршрут изменится уже на месте?

— Для этого в книжке и указывают запасные варианты. А если пришлось уйти совсем в другую сторону, сообщаем при первой возможности.

— А если возможности не будет?

— Тогда поиски начнут с основной нитки и запасных выходов. Поэтому документы должны быть составлены так, чтобы ими могли пользоваться не только мы.

Тимур кивнул и что-то записал.

В спортивном туризме многое держалось на таких обычных вещах. До выхода маршрут существовал на бумаге, но эта бумага связывала группу, клуб, комиссию и тех, кто в случае беды должен был понимать, где искать людей.

Валя пальцем провела по синей нитке реки на карте.

— Людмила Ивановна, а если погода опять будет как в прошлом году в Саянах?

— Как в прошлом, не будет, — отрезала Коровина. — Каждый поход отличается. Но дождь почти наверняка будет, поэтому готовимся не к красивой фотографии из отчёта, а к сырости.

Евгений подал голос, не отвлекаясь от своего дела:

— В Ергаках дождь шёл четырнадцать дней из восемнадцати. И ничего, дошли.

— Дошли, — согласилась Коровина. — Потому что не строили из себя героев. Сушили всё, что можно было сушить при любой возможности, берегли сухое и не ввали друг другу о состоянии.

Она сделала паузу, давая словам улечься.

— Не говорим «я нормально», когда знобит. Не говорим «само пройдёт», когда ботинок уже трёт до крови. Человек в походе может устать, замёрзнуть или испугаться. Это не преступление. Но он обязан сказать об этом вовремя.

— Это точно, — отозвался Евгений. — Скрывать такие вещи — только группу подставлять. Чуть упустил момент, вовремя не сознался, и всё — на сложном участке ты уже балласт. Нас вон на Тянь-Шане в грозу на перевале Тахта-Джайлау так прижало: палатки ветром к земле складывает, снаружи грохот, деваться некуда. Вот там, если бы кто-то зажался и молча замерзать начал, мы бы хлебнули проблем.

— Весёлый был перевал? — поинтересовался Денис.

— Если вспоминать здесь, за столом, то весёлый. А ночью, когда молнии рядом били и по ледорубам искры бегали, было совсем не до смеха.

— Искры прямо по ледорубам? — Тимур от удивления даже отложил карандаш.

— По металлу. Воздух был такой, что всё вокруг трещало. Палатки ветром прижимало, выйти страшно, оставаться тоже неприятно.

Вика помнила ту ночь и то, как Евгений с Володиёй позже незаметно переложили часть тяжёлых вещей из её рюкзака в свои, чтобы ей было легче идти.

Коровина тем временем перевела взгляд на Евгения.

— После той ночёвки ты кашлял так, будто лёгкие наизнанку выворачивает.

— Было дело, — не стал отпираться тот.

— И слабость была сильная.

— Такая, будто рюкзак за ночь в два раза потяжелел.

— И ведь не только у тебя, — заметила Людмила Ивановна.

— У Володи тоже прихватило, но меньше, — подтвердил Евгений. — Он наружу реже выскакивал. Да и у вас, Людмила Ивановна, помнится, тогда та же история была. Вы ведь потом даже к врачам ходили?

Коровина спокойно кивнула:

— Сходила. Врач сказал — ингаляционное поражение озоном. Объяснил попроще: что-то вроде озонового ожога дыхательных путей. Но серьёзного лечения не назначили. Сказал беречься от нагрузок и холодного воздуха, со временем само должно пройти.

— А вы с Володиёй, я так понимаю, до врача так и не дошли? — Денис вопросительно приподнял бровь.

— А смысл? — Евгений пожал плечами. — Сказали бы то же самое. В обычной жизни почти не замечаешь, только при беге одышка раньше начинается. Ну и когда рядом грузовик или автобус коптит, от выхлопа сразу дышать тяжело.

Коровина помолчала, прикрыв глаза, и добавила:

— У меня так же.

Остальные слушали этот разговор как беседу двух космонавтов, побывавших там, где обычные правила уже не действовали. Вика лучше других понимала, сколько в ту ночь Людмила Ивановна, Володя и Евгений сделали, чтобы оставшиеся в палатках девчонки лишней раз не совались наружу под грозу и смогли хотя бы немного поспать.

Та ночь запомнилась не победой, а борьбой за палатки, которые ветер пытался сорвать со склона. Спуститься вниз было нельзя: ниже шли камнепады и небольшие лавины.

Утром стало ясно, что продолжать путь к реке Нуреката опасно. Людмила Ивановна посоветовалась со старшими ребятами и повернула группу обратно с выходом на запасной вариант.

— Поэтому я не люблю разговоры вроде «надо было просто проскочить», — сказала она. — Со стороны всегда легко рассуждать. Иногда участок действительно можно взять. А иногда попытка пробиться любой ценой — уже не спорт, а дурость.

Саша, до этого молча изучавший карту, поднял глаза на Коровину:

— На перевале во время грозы действительно было безопаснее, чем внизу?

— Тогда — да, — ответила она. — Ниже со склона всё летело. Спускаться туда ночью под ливнем — гарантированно нарваться на лавину или камни. Универсальных рецептов на маршруте не бывает.

Евгений кивнул.

— На обратном пути мы ещё через свежие завалы и сошедшие лавинки пробирались. А потом горная речка характер показала. Сутки назад перешли спокойно, обычной стеночкой, а после дождя вода поднялась так, что вброд уже не сунешься. Пришлось первому вплавь со страховкой перебираться, чтобы навесную натянуть, и уже по ней всю группу переправлять.

— А кто плыл на другой берег? — любопытничал Тимур.

— Я.

— Один?

— Кто-то должен был вынести конец верёвки, — пожал плечами Евгений. — Я лучше остальных плавал и понимал, как ведёт себя горная вода.

Тимур выпрямился, ожидая продолжения.

Евгений усмехнулся:

— Картинка была эпичная. Ты бы, Тима с фотоаппаратом, оценил. Я раздеваюсь до трусов, надеваю обвязку, цепляю к карабину верёвку — она же и страховка, и будущая переправа, — захожу в воду, и тут начинается снег. Снежинки так красиво падают на плечи и сразу тают.

— Женя, не пугай молодёжь, — осадила его Коровина. — А то они сейчас решат, что ты ради красивого кадра в ледяную воду полез.

— Ради кадра я бы солнца дождался, — хмыкнул Евгений. — А там ловить было нечего. За спиной хребет, с которого мы только что повернули. Перед нами река, которую не обойти. Вода прёт, погода только хуже. Либо кто-то протащит верёвку на тот берег, либо вся группа остаётся зажатой между рекой и горами.

За столом притихли.

Саша до этого слушал с лёгкой улыбкой, но теперь нахмурился. Он был старше Евгения и прекрасно понимал, что скрывалось за простой фразой «кто-то должен был»: в таких ситуациях выбирали не самого храброго и не того, кому хотелось отличиться, а человека, у которого были нужные навыки и хоть какой-то шанс справиться.

— Ты ведь уже после грозы кашлял, — сказал он. — И сил было меньше обычного.

— Было такое.

— И всё равно полез?

Евгений нахмурился, перебирая в памяти события того дня:

— А кто ещё? Володя плавал хуже. Девчонки — тем более. Ждать, пока вода поднимется ещё выше, смысла не было.

— Верёвка сильно тянула? — Саша чуть подался вперёд, ожидая ответа.

— Сначала терпимо. Потом течением развернуло боком, и стало веселее. Главное — не бороться со струей в лоб, уходить по диагонали и не дать верёвке попасть под ноги.

Тимур уже не улыбался, по-прежнему представляя этот кадр: снег, тёмная вода, голое тело, натянутая нить верёвки, только теперь всё это казалось не красивым, а страшным, потому что слишком легко было понять, что произошло бы, если бы Евгений захлебнулся или сорвался.

— А если бы тебя унесло? — спросил он.

— Значит, у группы появилась бы ещё одна большая проблема. Или на одного шутника стало меньше, — Евгений на секунду задержал взгляд на парне.

— Женя, — одёрнула его Коровина.

— А что? Он спросил, я ответил.

— Можно ответить прямо и без бравады, — жёстко сказала Людмила Ивановна. — Там и без неё тошно было.

Евгений кивнул и лицо его стало серьёзным:

— Да там вообще кино получилось. Я же Вове и девочкам перед тем, как лезть, инструктаж провёл: страховать на горной реке — это следить, чтобы верёвка впереди меня не плыла. Держать чуть в натяг, но ход не сковывать. И если увидят, что мне совсем капец — тащить обратно. Они, понятное дело, конец за дерево закрепили — руками же можно и не удержать. Но никто не ожидал, что меня махом вынесет течением на всю длину.

Евгений отвёл взгляд, припоминая подробности.

— Сорок или пятьдесят метров верёвки, а мне тупо не хватает этого радиуса, чтобы до другого берега дотянуться. Прижало струёй намертво посередине реки. Хорошо, Людмила Ивановна сообразила: увидела, что дело дрянь, скомандовала, и они все вместе бросились этот узел отвязывать, а потом побежали по берегу вниз по течению ещё метров пятьдесят. Только за счёт этого меня маятником на повороте и выкинуло на ту сторону.

— Да откуда ты-то видел, кто куда бежал? — покачала головой Людмила Ивановна. — Ты постоянно под водой исчезал, наружу только рука торчала, которая бешено махала в сторону противоположного берега и поворота.

— Да я не знаю, — Евгений вздохнул и потёр переносицу. — Для меня тогда всё как в замедленном кино было. Помню только мысль дурацкую: «Если сейчас назад вытаскивать начнут — я же задубею в этой воде, пока они меня против потока вытянут». На секунду даже мелькнуло — карабин, что ли, расстегнуть и самому плыть... Но это нереально было, верёвка в полный натяг да и сразу бы унесло, да и как потом мокрую верёвку перебрасывать...

Он замолчал, покачал головой, затем добавил:

— Да я и сам тогда реку хреново прочитал, если честно. Надо было заходить в воду ниже, ближе к изгибу русла. Расстояние не соизмерил с длинной верёвки. Да и дерево для фиксации сам же ориентиром взял. Так что страховка страховкой, а абсолютной гарантии в горной воде не бывает. Ошибся на старте и дальше всё происходит очень быстро.

Людмила Ивановна покачала головой:

— Ну и при всём моём походном опыте я, честно говоря, больше не припомню случаев, чтобы реку переплывали при таком бешеном потоке. А по всем правилам и методичкам — да, конец верёвки всегда наглухо крепится за опору на берегу.

— Слушайте, — подал голос Денис, — а надо было конец верёвки к Вовчика обвязке зацепить! Чтобы он потихоньку по берегу бежал по мере того, как тебя сносит.

Евгений поёрзал на стуле и заржал:

— Ага, отличный план! Чтобы нас двоих наперегонки по реке унесло, а девчонки одни с Людмилой Ивановной на берегу остались горевать!

Вика опустила глаза. Она помнила, как Евгений кашлял после той ночёвки, как старался не показывать слабость и всё равно брал на себя самую тяжёлую работу. Тогда она думала, что взрослые просто всегда знают, как правильно поступить. Теперь до неё доходило: иногда они знали только одно — что сделать это больше некому.

— А мне тогда на перевале всё казалось, что вот-вот прилетит вертолёт и нас спасут, — тихо призналась она. — Я даже шум винтов отчётливо слышала.

Евгений усмехнулся:

— В такую-то погоду вертолёт? Вика, это кусок полиэтиленового тента за центральный кол палатки зацепился и на ветру трещал.

— Нет, правда было похоже, — упрямо покачала головой она. — Сначала далеко, потом будто ближе...

Перед глазами вставала картина: распластанная под штормовым ветром палатка, ледяной дождь, мокрый полиэтилен бешено хлещет по стойке, а внутри замёрзшая девчонка сжимается в комок, слушает этот треск и верит, что из темноты вот-вот появится спасительный луч прожектора.

— Обидно, наверное, было понять, что это просто тент, — тихо сказал Денис.

— Я до самого утра так и не поняла, — ответила Вика. — Мне так легче было засыпать. Казалось, что нас уже нашли и просто ждут, пока стихнет буря, чтобы сесть.

Людмила Ивановна посмотрела на неё внимательнее, но промолчала.

Валя обратилась к Коровиной:

— Получается, вы тогда фактически оказались заперты?

— На какое-то время — да, — ответила она. — Назад возвращаться опасно. Впереди река. Обход занял бы слишком много времени, и ещё неизвестно, нашли бы мы там безопасный участок. Пришлось устраивать переправу.

— А если бы Евгений не смог переплыть? — на этот раз Денис говорил без обычной усмешки.

— Искали бы другое решение, — Коровина посмотрела на собеседника. — Возможно, ждали бы спада воды. Возможно, уходили бы выше по течению. Но каждый лишний час означал холод, мокрые вещи, расход продуктов, бензина в примусах и ещё большую усталость. Хорошего варианта там не было.

— То есть выбрали не безопасный, а наименее опасный? — задержал взгляд на руководителе Денис.

— Именно.

Саша согласно наклонил голову.

— Вот это потом обычно и трудно объяснить. На карте всегда видно ещё три дороги. А на месте у тебя темнота, промокшая одежда, уставшая группа и ни одной гарантии, что другой путь окажется лучше.

— Люди вообще любят находить простые решения после того, как всё уже закончилось, — чуть приподняла уголки губ Коровина.

Евгений подмигнул Тимуре:

— Но снег действительно красиво падал. Тут я не соврал.

— Я бы в тот момент фотик всё равно не достал, — признался Тимур.

— И правильно, — одобрила Людмила Ивановна. — Сначала страхуют человека, потом думают о кадрах.

— А после можно было снять? — не унимался Денис.

— После можно было фотографировать, как Женя на том берегу дрожит и пытается развязать обвязку окоченевшими пальцами, — заметила Валя.

— Вот это уже была бы честная туристская фотография, — сказал Саша.

Евгений усмехнулся:

— Никакой красоты вы людям не оставляете.

— Она закончилась в тот момент, когда ты полез в ледяную воду с кашлем, — отрезала Коровина. — Дальше была обычная работа.

— В этом вся романтика и есть, Людмила Ивановна, — возразил Евгений. — Просто она не такая, как на открытках.

Женя задумался, глядя на стол, потом всё же высказался:

— У Высоцкого хорошо сказано: «Он стонал, но держал». Для нас это не подвиг, а обычная вещь. Как и в альпинизме, и в скалолазании. В горах рядом нет скорой помощи, больницы

или спасателей, которым можно позвонить и сказать: «Приезжайте, у нас проблема». Там надеешься только на себя и на тех, кто идёт рядом.

Он повернулся к младшим.

— Поэтому каждый должен уметь не просто пройти участок вместе со всеми. Иногда приходится делать то, от чего зависит жизнь остальных. Даже если кашляешь, устал или боишься. Не потому, что ты герой. Просто кроме тебя в этот момент некому.

Евгений родился на юге Казахстана, в Сарканде, и почти каждое лето мать отвозила его к родственникам в деревню Карабугет. Купание и рыбалка на быстрых горных речках были там обычным делом.

С детства он знал, что такая вода не похожа на городской пляж. Она холодная, сбивает с ног, тащит в потоке, пытаясь ударить о камни, не выпускает на берег и не оставляет времени на красивые движения, раздумья и анализ.

— Горную реку нельзя уважать наполовину, — добавил он. — Или относишься к ней серьёзно, или она быстро объяснит, кто здесь главный.

Татьяна кивнула, потянувшись к блокноту:

— Хорошая формулировка.

— Только в отчёт её не вставляй, — полушутя отозвалась Коровина.

— Почему?

— Потому что комиссия любит конкретное обоснование: уровень воды, скорость течения, ширина, способ страховки. Философию они могут оценить, но маршрут на ней не защитишь.

— А если написать: «Река быстро объяснила группе, кто главный»? — улыбнулась Татьяна.

— Тогда тебя отправят переписывать весь отчёт. Или просто не зачтут поход.

За столом рассмеялись.

— По погоде считаем худший разумный вариант, — продолжила Коровина, когда смех утих. — Дождь, мокрый снег, сырость, ветер. Не потому, что всё обязательно случится, а потому что мы не должны удивляться, если случится. Женя, по снаряжению что скажешь?

Евгений отложил отчёт.

— Полиэтилена по палаткам надо добавить на постилку. Нормального, плотного, а не тонкой ерунды, которая рвётся на первом камне.

— Записала, — отозвалась Татьяна.

— Спички дублировать. Разложить по разным рюкзакам и герметично упаковать.

— В пакеты? — Тимур покосился на Евгения.

— В пакеты, в резину, куда угодно, лишь бы не промокли, — перебирал варианты Евгений. — Лучше сделать несколько маленьких упаковок, чем одну большую. И кстати, резиновое изделие номер два из любой аптеки под это дело подходит лучше всего — дешево, герметично — то, что надо.

Тимур хмыкнул.

Людмила Ивановна посмотрела на него строго, без тени улыбки:

— Ничего смешного. В походе оно полезнее половины вещей, которые люди тащат для уверенности. Спички, таблетки, документы, носки — всё, что должно остаться сухим, упаковывается отдельно.

— Я понял, Людмила Ивановна.

— Тогда не улыбайся, а запиши.

Тимур послушно взял карандаш.

Коровина сделала отметку в блокноте:

— Теперь ботинки. Я хочу видеть не просто удобную обувь, а проверенную. Новые ботинки на маршрут никто не надевает. Есть сомнения — приносите, посмотрим сейчас.

— А если ботинки почти новые, но я уже несколько раз в них ходил? — Денис растерянно опустил взгляд на свою обувь.

— Приносишь и показываешь.

— Они удобные.

— Слово «удобные» мы проверим в ближайшие выходные на выходе «на скалки» с рюкзаками.

— Понял.

Разговор снова ушёл в списки: обувь, шнурки, носки, накладки, ремнабор, иглы, нити, свечи, аптечка, котлы, топор, документы.

Всё перечисленное было простым и привычным, но из этого чаще всего и складывалась надёжность. Горы наказывали не за отсутствие редкого снаряжения, а за пренебрежение обычными мелочами.

— По крупам ещё раз, — распорядилась Людмила Ивановна.

Татьяна подвинула к ней лист:

— Гречка, рис, пшено, макароны. Суповые концентраты отдельно. Сахар нужно пересчитать, по старой раскладке маловато.

— Сухари?

— Сушим сами. Часть уже готова.

— Соль не забыть. Чай с запасом.

— По сладкому?

— Без роскоши, но не только сахар. Изюм, карамель, сухофрукты, конфеты, печенье.

Евгений, до этого перелистывавший старый отчёт, поднял голову:

— И про заначки не забываем. Поход длинный, значит, с каждого по две.

Никто за столом не стал спрашивать, что он имеет в виду. Каждый уже сходил как минимум в два категорийных похода и отлично знал одну из старых традиций «Азимута».

На каждый день маршрута заранее назначался один человек, который должен был достать из рюкзака секретную заначку — что-нибудь вкусное, не входившее в общую раскладку. Дни распределяли ещё в клубе, обычно жребием. Список хранился у завхоза, чтобы никто не перепутал очередь и не попытался незаметно перенести её на более удобный день.

Когда именно днём доставать угощение, решала вся группа. Иногда о нём вспоминали утром, иногда во время обеда, а порой уже на перевале, когда люди выматывались и хотелось хотя бы ненадолго переключиться со сложной дороги и тяжёлых рюкзаков.

Кто-нибудь один заговорщически произносил:

— Заначка?

Если остальные поддерживали, вся группа начинала дружно скандировать:

— Заначка! Заначка! Заначка!

Требовалось, чтобы вышло единогласно. Только после этого назначенный доставал свёрток, но сразу его не показывал. Остальные пытались угадать, что внутри. Тот, кто угадывал, получал двойную порцию, если угощение делилось. Если же нет — каждый отдавал ему от своей порции маленький кусочек, символически, в знак победы.

Денис задумался.

— А что вообще можно брать?

Евгений обернулся к нему:

— Арбуз возьми.

— Женя, опять ты со своими шуточками, — одёрнула его Коровина.

— А что? Вкусно, сочно, витаминов немного, но вроде есть.

Валя с интересом следила за Денисом:

— Он ведь действительно возьмёт.

Тот уже явно прикидывал что-то в уме.

— Смотря какой арбуз. Можно же найти небольшой.

За столом дружно фыркнули.

— Вот видишь, — ткнула пальцем в сторону Дениса. — Я предупреждала.

— Да я просто уточняю, — попытался оправдаться Денис. — Чтобы понимать допустимые пределы.

— Допустимые пределы заканчиваются гораздо раньше арбуза, — отрезала Татьяна.

Евгений развалился на стуле:

— А ведь когда-то Людмила Ивановна сама нам рассказывала, как они на каменистом перевале арбуз ели. Красный арбуз на серых камнях, кругом горы. Красота.

Тимур почти сразу представил этот кадр: крутая осыпь, люди в брезентовых штормовках и ярко-красные ломтики на фоне угрюмого серого перевала.

— Это действительно было?

— Было, — подтвердила Коровина. — Только тот арбуз не тащили две недели. Его купили перед самым выходом на маршрут и съели во второй день, на первом же перевале.

— Но фотография красивая получилась? — не отставал Тимур.

— Получилась.

Вика вспомнила:

— Мы её на слайдах видели. Там арбуз прямо на камнях лежит, разрезанный.

— Значит, надо ещё раз посмотреть, — загорелся Тимур.

— Сейчас некогда устраивать просмотры, — остановила его Коровина. — Сначала закрываем раскладку.

Евгений тихонько хмыкнул:

— Вот после того рассказа Людмилы Ивановны у нас в прошлом году перед тройкой на Саяны почти каждый воспринял это как прямое руководство к действию. И в качестве заправки припас по арбузу.

— Почти каждый? — переспросил Денис.

— Почти.

— И сколько вы их несли?

— Нуууу достаточно..., чтобы после третьего всё стало понятно.

— А остальные?

— Начали избавляться от них к середине похода. Во-первых, угадывать содержимое свёртков уже никто не хотел. Во-вторых, они тяжёлые и занимают половину рюкзака. А в-третьих, начали портиться.

Вика тихо прыснула:

— И после третьего арбуза вы всё равно продолжали скандировать «зачатка»?

— Уже без прежнего восторга, — признался Евгений. — Особенно под затяжным дождём. Воды кругом и так хватало, а после арбузов всё ещё чаще по кустам разбегались.

— Прекрасная организация питания, — встала Татьяна. — Крупы, тушёнка и передвижной запас воды в кожуре.

— Ну я-то арбуз не брал, — заулыбался Евгений.

Коровина выразительно приподняла бровь:

— Зато ты взял дыню.

— Взял, — согласился он, прищурившись. — Но у меня очередь была на второй день. Мы её сразу съели, и никаких проблем. Главное, что никто не угадал.

— Ты у нас всегда оригинал, — подвела черту Людмила Ивановна.

— Я просто внёс разнообразие в ситуацию.

Денис понимающе кивнул.

— Намёк понял.

Татьяна медленно повернулась к нему:

— А ведь он действительно возьмёт.

На этот раз отозвались сразу все:

— Даже не вздумай!

Денис примирительно поднял руки:

— Хорошо, хорошо. Никаких арбузов и дынь. Я ещё подумаю.

— Вот именно это и тревожит, — вздохнула Валя.

Смех прошёл по комнате и постепенно стих. Коровина вернулась к списку.

— Заначки в общий вес раскладки не включаем, но разум никто не отменял. Угощение должно пережить дорогу, не занимать половину рюкзака и не создавать всей группе дополнительных бытовых сложностей.

— А вес заначки ограничиваем? — расстроенно вздохнул Саша.

— Жёстко не будем, но перед выходом я всё равно проверю. После прошлогодних арбузов имею право.

— Тогда секретность пропадёт, — заметил Евгений.

— Я не обязана видеть, что именно внутри. Мне достаточно убедиться, что это не арбуз, не дыня и не трёхлитровая банка компота.

— Компот можно выпить перед выходом, — буркнул Денис.

— Денис! — предупредила Коровина.

— Всё, молчу.

Коровина считала без суеты, зная, что лишний килограмм в городе кажется мелочью, а на маршруте превращается в постоянную тяжесть на плечах, но и недоложить нельзя: экономия должна быть разумной, иначе лёгкий рюкзак быстро оборачивается слабостью группы.

— Рацион будет смотреть комиссия, — напомнила она. — Поэтому никаких фантазий. Считаем по нормам и по нашему опыту.

— Опять скажут, что много? — проворчал Саша.

— Пусть скажут. Мы объясним расчёт. Нести нам, идти нам и отвечать тоже нам.

Евгений взял один из старых отчётов и открыл на нужной странице:

— По Ергакам можно взять расход как пример. Там почти весь маршрут шёл дождь, и по горячему питанию всё видно.

Коровина согласно кивнула:

— Возьми. И второй отчёт по Саянам посмотри. Там вес удачнее распределён по дням.

Саша потянулся за карандашом:

— Значит, тушёнку беру я. Сухари кто?

— Я, — отозвалась Валя.

Татьяна посмотрела на неё с лёгким прищуром:

— Только досушите нормально. Не как в прошлый раз у соседней группы, когда они вместо сухарей почти кирпичи несли.

— У нас такого не будет.

— Лучше сказать: мы проверим и не допустим, — поправила Коровина. — «Не будет» само по себе ничего не гарантирует.

В кабинете понимающе улыбнулись, но работа не остановилась.

Подготовка похода состояла из мелочей, которые со стороны казались занудством. Кто-то должен был забрать тушёнку, кто-то досушить сухари, кто-то проверить палатку, кто-то принести справку, кто-то переписать номера контрольных точек, а кто-то — выбрать две заначки, способные выдержать до конца маршрута и не превратить рюкзак в овощную лавку.

Если всё делалось вовремя, на маршруте об этом никто не вспоминал. Если же допускалась осечка, одна забытая или глупо взятая вещь сразу начинала тянуть за собой остальные.

Коровина перевернула лист.

— По личному снаряжению завтра проверка. Не рассказывайте, что у вас всё есть, а приносите и показываете. Особенно дождевики, спальники, обувь, запасные носки и упаковку сухих вещей.

— Людмила Ивановна, — поднял руку Денис, — а если спальник старый, но нормальный?

— Приносишь. Посмотрим.

— Он тёплый.

— Хорошо. Заодно проверим молнию, швы и насколько он отсырел за время хранения.

— Понял.

— Рюкзаки тоже. Чтобы потом не оказалось, что лямка держится на честном слове.

Евгений, не поднимая головы от отчёта, заметил:

— Честное слово в дождь размокает первым.

— Именно, — утвердительно кивнула Коровина.

Татьяна сверилась со своей тетрадью:

— По медицинским допускам все справки сдали? Почти все, — сама же ответила она, пробегая глазами список. — У Саши есть, у Дениса есть, у Вали есть. Тимур сегодня обещал донести.

— Завтра, — быстро вставил Тимур. — Точно завтра.

Коровина смерила его взглядом поверх очков:

— Тимур, «точно завтра» — это не документ.

— Я принесу.

— Вика?

— Я прошла осмотр. Справка дома, завтра принесу.

— Значит, завтра приносите оба. Вас на комиссии будут смотреть особенно внимательно.

Не потому, что я вам не доверяю, а потому, что вы младшие. Вопросы будут задавать не вам, а мне.

— Они и так будут задавать, — пробурчал Евгений у шкафа с архивными папками.

Людмила Ивановна услышала:

— Кстати о комиссии. Кто со мной на следующей неделе в МКК заявлять маршрут?

Евгений отпрянул назад и замотал головой:

— Нет, Людмила Ивановна. После того как мы заявлялись в Каракумы, я туда больше ни ногой.

— Почему? — не понял Саша.

— Ты же у нас самый опытный в группе после Людмилы Ивановны, — вставила Валя.

— Вот именно поэтому я и берегу остатки психики, — улыбнулся Евгений. — Свой опыт я лучше в походе покажу, чем буду на их глупые дежурные вопросы отвечать. После Каракум голова до сих пор на место не встала.

Татьяна поинтересовалась:

— Что же они там такого спрашивали?

Евгений оглядел ребят, построил нарочито занудное лицо и неожиданно тонким голосом произнёс:

— «А как вы, мальчики и девочки, будете ходить в туалет в пустыне?»

За столом уже прыснули, но Евгений выставил ладонь, призывая к порядку, и перешёл на командный тон:

— Да как! Разделились на «эм» и «жо». Спиной друг к другу встали. По десять шагов вперёд — шагом марш! Кому стоя — тот стоит, кому сидя — присел. Закончили — доложили. По последнему отчитавшемуся повернулись, к рюкзакам вернулись и не забыли прикопать всё, что натворили!

Рабочая атмосфера в подвале рухнула окончательно.

Тимур сложился пополам над столом, Денис закрыл лицо ладонями, плечи его тряслись, Валя хохотала почти беззвучно, задышавшись, Вика покраснела, а Татьяна, ещё пытавшаяся сохранить серьёзный вид, просто махнула на Евгения рукой.

Коровина тоже улыбнулась:

— Женя, если мы будем так заявлять маршруты, нас не выпустят даже в Боровое.

— Зато больше ничего спрашивать не станут.

— В этом я почему-то не сомневаюсь.

— Но по существу ответ правильный.

— По существу — правильный. По форме — как всегда.

— Зато комиссия запомнила.

— Они и без этого нас помнят.

Это было правдой. В городской МКК группы «Азимута» знали хорошо. Знали Коровину, знали её маршруты, знали, что к документам она относится серьёзно, но всё равно проверяли внимательно. Особенно когда в составе шли младшие.

Некоторые вопросы казались смешными, а иногда и откровенно глупыми, но за ними стояло вполне понятное желание комиссии убедиться, что руководитель чётко понимает, кого и куда ведёт.

— Со мной пойдут Саша и Татьяна, — распорядилась Коровина, возвращая разговор к делу. — Саша отвечает по маршруту и групповому снаряжению. Татьяна — по аптечке и питанию. Женя, раз ты туда ни ногой, подготовишь выписки из отчётов по Саянам и Каракумам. Особенно по воде, дневным переходам и распределению веса.

— Это можно, — согласился Евгений. — Бумаги хотя бы не спрашивают про туалет.

— Спрашивают. Просто по-другому.

По комнате снова прокатился тихий смешок.

Потом все вернулись к спискам. Вика записала про справку, Тимур дважды подчеркнул у себя «медкомиссия», Саша забрал лист по групповому снаряжению, Татьяна снова открыла аптечку, а Евгений полез на полку за старым каракумским отчётом.

Подготовка продолжалась: серьёзные вещи перемешивались с шутками, воспоминаниями и короткими спорами, в «Азимуте» это никому не мешало, так даже лучше запоминалось, кто за что отвечает и почему смешной вопрос может иметь вполне практический смысл.

Карта на столе стала ещё более исписанной. На полях появились новые отметки, в списках — фамилии ответственных, рядом с продуктами — уточнённые веса.

Чай в чайнике давно остыл, но его всё равно продолжали наливать.

День близился к вечеру, но в подвале училища, где находился «Азимут», время можно было определить только по часам.

Людмила Ивановна прижала ладонью собранную стопку листов:

— На сегодня достаточно. Завтра проверяем личное снаряжение. Послезавтра окончательно закрываем питание. По маршруту ещё раз пройдем отдельно перед защитой. Если у кого-то есть вопросы, сомнения или проблемы, говорите сейчас, а не перед поездом.

Ребята начали подниматься, но сразу никто не ушёл.

Кто-то дописывал в тетрадь. Валя с Татьяной вполголоса спорили, сколько дней понадобится на сушку сухарей, Саша уточнял, когда лучше забирать тушёнку. Тимур задержался у стены с фотографиями — делал вид, что просто разглядывает снимки, хотя на самом деле искал среди них тот самый красный арбуз на серых камнях. Вика подошла к столу и провела пальцем по нарисованной линии хребта.

Евгений вернул старый отчёт на место.

— Ты завтра будешь? — спросила Людмила Ивановна.

— Постараюсь. У меня с институтом пока непонятно.

— Сначала институт, потом походы.

Евгений скептически хмыкнул:

— Вы сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Походы ещё будут. А сессию за тебя никто не сдаст.

Спорить он не стал, только кивнул.

Коровина снова развернула карту, уже для себя.

Там, наверху, Петропавловск жил обычной летней жизнью. А в прохладном подвале «Азимута» оставались стол, списки, фотографии прошлых походов и тонкая карандашная линия, уходящая через хребты.

Пока это был только маршрут, который готовили по правилам.